



УДК 1329:321.721(47+57)1991/2013"

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Н.С. НАЗАРОВ*Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина,
Украина**e-mail: nazarinho90@gmail.com*

В статье рассмотрены особенности формирования партийных систем на постсоветском пространстве. Для понимания специфики процессов делается акцент на инверсионной логике развития постсоветских государств, базовые особенности которой могут быть выражены с помощью понятия неопатримониализма. В данном контексте рассмотрены особенности функционирования политических партий, их основные задачи, а также описана логика создания «партии власти».

Ключевые слова: партийная система, неопатримониализм, клиентелизм, клиентарно-патронажная сеть, постсоветские трансформации, партия власти

Становление постсоветской партийной системы невозможно рассматривать в отрыве от общей логики постсоветских преобразований.

Трансформации на постсоветском пространстве стали серьезным вызовом для современной социально-политической теории. Транзитологическая интерпретация политической динамики постсоветских государств оказалась не способной ответить на принципиальный вопрос: почему возникновение демократии на постсоветском пространстве не стало побочным результатом открытой политической борьбы. Опыт 1990-х годов отчетливо показал, что крушение коммунизма и последующие трансформации не обязательно ведут к различным формам демократического устройства.

Всевозможные попытки обойтись категориями типа «гибридный режим», термин «делегативная демократия» при описании постсоветских реалий все более наталкивают на мысль, что страны бывшего СССР находятся по ту сторону общепринятых представлений о «переходах к демократии».

Проблема состоит в том, что многолетний опыт изучения данной концепции не приблизил нас к пониманию самой демократии. Большинство транзитологов, опираясь на классификацию Дэвида Хэлда, берут за основу своих исследований одну из двух концептуальных схем: 1) «соревновательный элитизм» Шумпетера, в которой главным критерием есть замещение правительственных должностей на основе свободных и честных выборов; 2) концепция «полиархии» Роберта Даля, краеугольными элементами которого являются уровень партиципации (участие) и состязательность.

По мнению российского исследователя В. Гельмана, ни одномерная схема Шумпетера, ни двумерная Даля не может свестись к бинарным характеристикам, и «даже простой электоральный тест «свободных и справедливых выборов» оказывается не вполне релевантным в эпоху «политических машин» и «партий власти», когда результаты голосования – даже при наличии конкуренции – во многом обуславливаются потенциалом административной мобилизации масс правящими группами, не говоря уже о систематическом неравенстве условий ведения кампании, как это было в ходе президентских выборов 1996 года в России»¹.

Мы разделяем мысль А. Пшеворского о том, что «демократия – это система, при которой партии проигрывают выборы»². Следовательно, в ситуации, когда выборы принципиально не меняют расстановку сил в парламенте, а также не влияют на выработку нового политического курса, но проходят пусть даже в плюралистической политической среде – нельзя считать демократичными. Именно поэтому в сообществе политологов рас-

¹ Гельман В. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории: доклад для 2-го Всероссийского конгресса политологов. М., 2000. С. 4.

² Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000. С. 28.



тет запрос на альтернативные интерпретации режимных изменений в постсоветских государствах.

Автором статьи делается попытка определить особенности трансформации постсоветской партийной системы, для этого берется за основу неопатримониальная интерпретация постсоветского развития.

Неопатримониальная природа постсоветских трансформаций

Анализируя специфику трансформаций, мы отмечаем принципиальное отличие самой логики развития постсоветских государств и стран Центральной и Южной Европы, а также Латинской Америки. Корень данного отличия мы видим в *инверсионной логике развития* постсоветских государств, которая заключается в осуществлении рациональной бюрократизации и строительства национального государства после процесса демократизации. Как отмечает Т. Кузьо, «постсоветские государства в своем большинстве начали процессы демократизации и маркетизации в условиях отсутствия ряда значительных национально-государственных характеристик, которые являются необходимыми условиями успешной реализации проекта создания рыночной экономики и либеральной демократии»³.

Это отличие наталкивает нас на поиск перспективных подходов в изучении постсоветского развития. По мнению украинского исследователя данной проблематики А. Фисуна, «важные особенности постсоветского политического развития и понимания режимной динамики постсоветских государств могут быть выражены с помощью понятия неопатримониализма»⁴.

Модернизируя концепцию патримониализма Макса Вебера, израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт предлагает комплексную теорию **неопатримониализма**. Рассматривая возникновение неопатримониальных режимов как ответ на провал политики модернизации и строительства современного государства, Эйзенштадт видит в них симбиоз некоторых элементов традиционализма и современного государства.

Исследователи выделяют три основных принципа функционирования неопатримониальных систем: 1) политических центр отделен от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти; 2) государство управляется как частное владение правящих групп; 3) этнические, клановые, региональные и родственные связи воспроизводятся в современных политико-экономических отношениях.

Структурообразующую роль в функционировании неопатримониальной системы играет **клиентелизм**. Это отношения личной зависимости, где экономические и властные ресурсы патрона обмениваются на политическую и электоральную лояльность клиентов. Воспроизводство данных практик объясняется неразвитостью официальных каналов взаимодействия рационального типа, потому функцию трансляции различных интересов осуществляется через механизм клиентарно-патронажных отношений.

Следствием этого является еще одна важная особенность неопатримониальных политических режимов, а именно степень персонализации власти. Как было уже отмечено, причина этого явления связана со слабой рационализацией политического процесса, что обуславливает проекцию традиционных представлений о власти (вождя, князя, царя) на современную действительность. Таким образом, лояльность к политическому режиму определяется через лояльность к личности лидера, а политические программы играют второстепенную роль.

Центральной особенностью политической культуры неопатримониального общества является **коррупция**, которая становится не только общепринятой моделью поведения, но и важным каналом достижения политических и экономических целей.

На наш взгляд, понимание неопатримониальной природы постсоветских трансформаций позволяет внести концептуальные уточнения и дополнения в теоретические модели «гибридных режимов», «авторитарной демократии», неформальных институтов, а также дает возможность более глубоко понять особенности функционирования постсоветской партийной системы.

³ Kuzio T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // Politics. 2001. Vol.21. N.3. P.171.

⁴ Фисун А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2004. С. 150-151.



Место политических партий в системе неопатримониальной власти

Обозначив концептуальные особенности политической системы постсоветского пространства, мы можем перейти к ее составляющей – партийной системе. Для этого необходимо понять какую роль эта подсистема играет в системе государственной власти.

Итак, апеллируя к неопатримониальной логике постсоветского развития, мы приходим к выводу, что ведущее место в системе власти занимают представители неопатримониальной бюрократии, которая выступает основным агентом политического и экономического процесса.

Вокруг фигуры главы государства образуются клиентарно-патронажные сети (КПС), структурообразующим элементом которых является система личных связей, замкнутая на президента. Этому неформальному институту принадлежит формирование «повестки дня», что отодвигает на задний план проблему верховенства в обществе как отдельной партии, так и государства в целом.

Следовательно, такие компоненты политического поля как партии, группы интересов, общественные организации, профсоюзы в неопатримониальном обществе вытесняются на периферию политического процесса. В результате осуществляется «коперниканский переворот» в системе власти, где партии больше не контролируют действие правительства, а наоборот – государственная власть направляет деятельность партий в нужное ей русло, превращая партии, по сути, в придаток государственного аппарата.

Находясь под патронатом правительства, правящие партии в неопатримониальном обществе выполняют следующие функции: а) контролируют выдвижение руководящих кадров в государственном аппарате; б) организуют массовую поддержку целей власти; в) идеологическая обработка масс; г) патримониальная приватизация общественно-публичной властной сферы и последующее ее распределение между членами правящей группировки. Последняя функция и есть, в действительности, реальное назначение партийного механизма.

Парламентские органы становятся одним из способов институционализации клиентарно-патронажных отношений между верхушкой КПС и прочими слоями общества. Таким образом, можем говорить о глубинной трансформации роли политических партий, где «сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей»⁵.

В данном контексте можно говорить о феномене «партии власти», который стал «ноу-хау» постсоветского партийного строительства. Исследователь А. Лихтенштейн отмечает, что «в отличие от стран Восточной Европы, где трансформация элит происходила на основе партийной конкуренции, и за партиями постепенно закрепились функции завоевания и удержания власти, в большинстве стран бывшего СССР формирование новой элиты происходило на иных основаниях»⁶. Для нас этими основаниями является неопатримониальная логика развития с доминированием клиентарно-патронажных отношений.

«Партия власти» создается исполнительной властью для участия в парламентских выборах. Как было отмечено ранее, в неопатримониальном обществе власть находится в руках бюрократии, которая инкорпорирована в клиентарно-патронажную сеть, возглавляемую президентом. Президенту для сохранения статус-кво необходимо обеспечить лояльность политических предпринимателей, а также поддержку масс. Так возникает идея создания сетевой организации, которая будет действовать от имени и в интересах президента (премьер-министра).

Необходимо выделить основные задачи вышеописанных квази-партий: во-первых, это налаживание «прямого контакта» между государством и массами с последующей идеологической обработкой и навязыванием определенного мировоззрения последним; во-вторых, создание сети клиентарных отношений, которые формируют базу

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Лихтенштейн А.В. Институциональные условия возникновения и функционирования «партии власти» в России и Украине: сравнительный анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 23-24.



господства КПС; в-третьих, организация массовой поддержки целей правительства. Становится очевидно, что создание «партии власти» – абсолютно рациональное поведение правящей элиты в неопатримониальном обществе на пути формирования социальных связей типа «патрон-клиент».

Подведем итоги нашего исследования. Постсоветские трансформации стали серьезным испытанием для всей социально-политической теории. «Западные» подходы не смогли всецело объяснить специфику изменений стран пост-СССР. На наш взгляд, очень важные особенности постсоветского развития и понимания режимной специфики государств могут быть выражены с помощью понятия неопатримониализма.

Ведущее место в системе государственной власти постсоветских государств занимает неопатримониальная бюрократия, которая выступает основным агентом политического и экономического процесса. Вокруг фигуры главы государства формируется клиентарно-патронажная сеть из рентоориентированных политических предпринимателей, основным мотивом деятельности которых является поиск ренты (rent-seeking).

В партийной системе также воспроизводятся особенности клиентелистского общества. Политические партии в большей мере борются не за голоса избирателей, а за более выгодное место в иерархии КПС. Таким образом, не политические партии формируют правительство и задают тон политическому процессу, а государственная администрация создает организацию для реализации собственной политики.

Мотивация создания «партии власти» органично вписывается в логику функционирования неопатримониальной системы. Для главы государства (по совместительству верхушка КПС) стратегической задачей является создание сети клиентарных отношений, которые в будущем сформируют базу господства клиентарно-патронажной сети. Это обеспечит поддержку целей правительства как классом политических предпринимателей, так и массами.

FEATURES OF THE FORMATION OF POST-SOVIET PARTY SYSTEMS

N.S. NAZAROV

*V.N. Karazin Kharkiv
National University, Ukraine*

e-mail: nazarinho90@gmail.com

The article deals with the features of formation of the party systems in the post-Soviet space. To understand the specific processes, the attention is focused on the inverse logic of the post-Soviet states, the basic features of which can be expressed by the concept of neopatrimonialism. In this context the functioning features of political parties, their principal tasks and the logic of creating the "power party" are described.

Key words: party system, neopatrimonialism, clientelism, client-patronage network, post-Soviet transformations, power party.